

Вот осуждение желания

Да восторжествует во дворце сердца у каждого йога Хара, истинный светоч знания, сиянием рассеивающий мрак неведения, сверкающий серпом Месяца, украшающего его волосы, шутя спаливший игривого Каму, словно мотылька! Скитался я по разным странам, труднодоступным и опасным, но не обрел никакой награды, нес, презрев свой род, касту и гордость, унижительную службу, и все бесплодно; униженно в чужих домах, подобно вороне, побирался. О голод, ты разеваешь свою пасть все шире! Неужели ты все еще не доволен своими черными делами?

Недра земные изрыты в надежде на клады, обследованы горные руды, преодолен океан, ценой больших усилий умиловивлены цари, многие ночи проведены на кладбищах в чтении заклинаний, но не принесло все это мне даже потертой монеты. Желание, остановись наконец! приходилось служить; сдерживая слезы, опустошенный душой, смеялся я и даже складывал молитвенно руки перед тем, кто убил свой ум, перед столбом из денег. Зачем и ради чего ты, о голод, порождаемый никчемным желанием, заставляешь меня плясать перед низким?

Почему не остановишься ты в своих усилиях поддержать жизнь, столь же неустойчивую, как капля воды на листе лотоса? Неужели ты совсем утратил разум? Разве не ты хвастался бесстыдно и несправедливо собственными заслугами перед богачами, чванливо надувшись от своего богатства? Терпя нетерпимое, не от довольства расстались мы с радостями семейной жизни, не ради подвижничества подвергали свое тело истязаниям беспощадной жарой и жгуче-холодными ветрами. С помощью рассчитанных вздохов помышляли мы день и ночь не о стопе Шамбху, а о богатстве – все делали мы, что делают мудрые, но не получили ни одного из плодов, доступных им. Морщины усеяли лицо, голова побелела от седины, ослабли все члены, и лишь желание все еще привязывает нас к юности.

Не насладились мы желанными наслаждениями, но съедены желанием насладиться; не мучили мы себя подвижничеством, но оно измучило нас; не мы проводили время, но оно провело нас; не увяли наши желания, но мы увяли из-за них. Угасло желание наслаждений, исчезло даже чувство, что я человек, ушли на небо друзья, согласно со мной думавшие, дорогие, как жизнь, лишь с помощью посоха поднимаюсь я еле-еле, и в глазах уже висит густая тьма. Увы, почти мертво глупое мое тело, а все еще боится смерти. Желание – так называется река, в которой вместо воды – мечтания, вместо волн – жажда, таится в ней крокодил страсти, а над ней кружат вороны забот, она подмывает корни дерева мужества, полна глубоких и трудно минуемых водоворотов иллюзий, берега ее усеяны острыми скалами тревог; лишь те, кто переправился через нее, чистые духом повелители йогов, радуются.

Вот осуждение отказа от мирских благ

Я не вижу блага в мирской жизни – сама мысль о результате добродетельных деяний порождает во мне страх; великими добродетелями заслуженные блага порождают великие же узы для тех, кто этими благами обладаем сколь долго ни длились бы земные радости, они все равно исчезнут. Так что за разница – почему бы человеку самому не расстаться с ними? Ведь по своей воле скитаясь в погоне за ними, подвергает душа себя жесточайшим испытаниям, если же по своей воле покидает их, обеспечивает себе наслаждение бесконечным покоем.

Мужи, чей ум очищен размышлением о дознании Брахмана, свершают трудносвершимое: наслаждаются, отвергнув великие наслаждения, и никогда не прикасаются к богатствам, которых мы не имели прежде, которыми не обладаем нынче и на которые трудно рассчитывать в будущем, – а мы с ними даже и в мыслях не способны расстаться. На коленях у благословенных мужей, живущих в горных пещерах и восторженно размышляющих о Высшем, сидят птицы и льют слезы умиления, струящиеся из глаз, опьяненных радостью Брахмы. Но увы! Наша жизнь истрачена на строительство из воздуха дворцов, прудов с отрадами и шаркав для развлечений. Раз в день надает в мою чашу для подаяния безвкусная пища. Мать-земля, ты – постель для меня.

Тело мое – единственный слуга. Одежда моя – тряпка, покрытая сотнями заплат. Но, увы, не покидают меня желания, хоть и нахожусь я в столь жалком состоянии. Груды женщины, эти куски плоти, описываются, как пара золотых чаш. Ее рот полон слюны, но сравнивается с луной. Ее мокрые от пота бедра уподобляются слоновьему хоботу. Вся эта выпренность заслуживает жестокого осмеяния, а ведь некоторые поэты, воображающие себя мудрецами, всегда рисуют женщин только так.

Повелитель Хара, похитивший у возлюбленной половину тела для своего собственного, – единственный и превосходнейший любовник, хотя нет больше аскета, нежели он, отвернувшийся от любовных наслаждений. Все прочие в сем мире поражены стрелами Камы и зачарованы, но не способны ни наслаждаться, подобно Харе, ни отвергнуть страсть, как этот великий аскет. Мотылек, не знающий губительной силы огня, может по незнанию влететь в него. Рыба, не понимающая опасности, стремится к крючку и глотает наживу. Но почему же мы, прекрасно понимающие опасность, -позволяли самим себе быть пойманными в сети бога любви, изобилующие крючками? Сколь неодолима шла любовного безумия!

Когда иссохло горло и истомила жажда, пьют холодновкусную воду. Одолеваемые голодом глотают мясо с приправой. Когда тело, и ум охвачены любовной страстью, обнимают женщину. Хотя все это лишь снадобья для лечения плоти, считаются они удовольствиями. Высокий дворец, сын, уважаемый добродетельными людьми, бессчетное богатство, возлюбленная, жена, молодость – вот что ценят невежественные. Но те, кто обладает подлинным знанием, считают это ничтожным, мир – темницей, а все, вместе взятое, – мгновенно исчезающим и избирают санньясу.

Вот осуждение нищеты и нищенства

Какой достойный человек стал бы сдавленным из-за опасения отказа голосом, так что и звуков не разберешь, говорить: «Подайте!», если бы не вид удрученной отсутствием еды супруги, чью ветхую одежду постоянно тянут ручки голодных, плачущих детишек, лица которых искажены гримасой?! Искуснейший в развязывании узла уважения человека, заставляющий распадаться собрание величайших добродетелей, подобный лунному свету, который принуждает распускаться лотос, секач, рвущий в клочья лиану стыда, которая удерживает нас от бесконечных наслаждений, котел этот – зовется он брюхом и трудно наполнить его – порождает злобу, мошенничество, обман.

Уважения достоин честный человек, который, испытывая муки голода, берет в руки глиняный черепок, покрытый белой тряпицей, и идет в добродетельной деревне или в обширном лесу от двора к двору, входы в которые закопчены дымом от жертвенных огней брахманов, приносящих жертвы согласно шастрам, но не достоин уважения тот, кто день за днем попрошайничает у своей родни. Разве поток смыл обители в Гималаях, изобилующих красивыми скалами, на которых прохладных от мельчайших брызг, летящих из волн Гаити, обитают видьядхары что людям приходится испытывать унижение отпуска, подаваемого другими?

Неужто поток смыл с горных склонов все корни исчезли прозрачные ручьи, мчащиеся с вершин? Или ветви, покрытые корой, несущие сочные плоды, отсохли? Может быть, потому приходится людям видеть повсюду рожи самоуверенных негодяев, чьи брови пляшут от заносчивости, радуясь приобретенному дурным путем презренному богатству? Теперь веди жизнь любимую, питаясь чистыми плодами и кореньями, устраивай ложе из нежных листьев на земле, а мы пойдем в лес, где никогда не слышно даже имен господ, чьи голоса изрекают трусливые, изуродованные болезнью богатства слова, ничтожных, лишенных сильного духа, способного отличить действительное от иллюзорного.

В любом лесу вдоволь легко доступных плодов на деревьях, повсюду есть сладостно прохладная вода священных рек, нежное ложе из мягких листьев и лиан – так зачем же терпят несчастные люди нестерпимые муки у дверей богачей? Когда прерываю я размышления на каменном ложе в горной пещере, то со смехом вспоминаю и те дни, которые казались не имеющими конца, когда терпел я унижение просьб, обращенных к богатым, и те дни, которые

проносились, словно мгновения, когда ум мой был затуманен чувственными удовольствиями. Никогда не нарушается радость тех, кто постоянно удовлетворен, никогда не утоляется жажда тех, кто умом своим погряз в ненасытной алчности к «богатству».

Но для чего же тогда Создатель сотворил эту сокровищницу богатств, все золото вобравшую в себя, – гору Меру? Не нравится мне это. Питание милостыней, жизнь без унижений, ничем не ограниченное счастье, свобода от страха, откуда бы то ни было исходящего, уничтожение гордыни, бездумья, зависти, повсеместно, постоянно и без усилий доступное, любезное святым садху очищение, бесконечно длящееся жертвоприношение Шамбху – это неизбежное и неубывающее сокровище славят йоги.

Вот описание быстротечности наслаждений

В наслаждении – страх перед болезнью, в высокородности – страх перед падением, в богатстве – страх перед алчностью, в достоинстве – страх перед унижением, в силе – страх перед врагом, в красоте – страх перед старостью, в учености – страх перед ниспровергателем, в добродетели – страх перед подлецом, в теле – страх перед смертью: все в этом мире неотделимо для людей от страха и свободна от него лишь вайрагья.

Рождение отравляется смертью, блистательная юность – старостью, довольство – алчностью к деньгам, спокойное счастье – кокетством изощренных в любви женщин, добродетель – завистниками, лесная жизнь – дикими зверями, цари – злодеяниями, достоинства – непостоянством: так что же и чем не отравляется? Сотнями различных тяжелых болезней подрывается здоровье человека; только приходит куда-нибудь Лакшми, как туда вламываются, срывая двери, несчастья; не успеет человек родиться, как его немедля поработает смерть, – так что же могучей судьбой создано вечным?

Наслаждения непостоянны и разбиваются, как высокие волны, дыхание может прерваться в любой момент, немного дней длится вспышка счастья юности среди возлюбленных – поняв эту бессмысленность мира, вы, мудрые душой, исполненной сострадания к людям, погружаетесь в размышления. Наслаждение быстротечно, как сверкание молнии, которая нежится среди туч; жизнь зыбка, подобно калле воды на листе лотоса, колышущемся на ветру; желания, обуревающие людей в юности, мимолетны – все это уяснив, немедля, мудрые, сосредоточьте свой ум в йоге, легкодостижимом совершенстве размышления о стойкости!

Жизнь – игра воли, счастье юности – считанные дни, сокровища – мираж мысли, все наслаждения – только сверкание молнии в сезон дождей, объятия возлюбленных – еще того короче; лишь те, кто душой привязан к Брахману, переплывут океан страха перед бытием. Когда в утробе – приходится со скорченными членами влачить существование среди нечистот, когда юн – приходится испытывать наслаждения, отравленные болью от горести разлуки с объятиями любимой, когда дряхл – приходится терпеть унижение насмешек кокетливых красавиц.

Скажите же, люди, есть ли в мире хотя бы крупинка счастья? Подобно тигрице, надвигается старость, болезни, как врали, обрушивают удары на тело, жизнь вытекает, словно вода из разбитого горшка, – удивительно, что, несмотря на это, человек все же вершит зло! Наслаждения всех видов по природе своей нестойки, и поэтому нестойкий мир – ради чего я ради кого вы, люди, скитаетесь в нем? Бросьте старания свои! И если верите вы нашим словам, то храните свою душу, чистую, избежавшую сотен ловушек ложных надежд, в жилище, освобождением от страсти! Брахма, Индра и прочие боги представляются всего лишь травинками для тех, кто вкусил от власти над тремя мирами и всяких иных лишенных смысла удовольствий. Разве есть более высокое наслаждение, чем, то солнце знания, что вечно восходит и сверкает?! О добродетельный, не гонись за иными наслаждениями, не предавайся плотской страсти!

Вот описание величия Времени

Слава тебе, Время, по чьей воле все ушло путем воспоминаний—и блистательная столица, и могучий царь, и окружавшие его вассалы, и мудрые советники, и луноликие жены, и сонмы заносчивых князей, и поэты, и славословия! В доме, где прежде жили многие, теперь живет лишь один; где прежде жил один, а потом многие, там ныне нет никого, – так Время, бросая день и ночь, подобно двум игральным костям, играет людьми-пешками на игральной доске вселенной. С восходами и заходами солнца проходит день за днем жизнь. За делами, за бременем тяжелых забот время бежит незаметно, и нет страха при виде рождения, старости, смерти – безумен мир, пьющий хмельной напиток заблуждений.

Снова ночь и снова день, и хоть люди это знают, мчатся они, обремененные каждый уже начатым делом, изо дня в день повторяющимися заботами и вкушаемыми наслаждениями, – так мучает нас сансара, и мы, увы, не стыдимся того, что поддаемся этому обману. Никогда не предавались предписанному в шастрах размышлению о стопах господра ради избавления от сансары, никогда не молили о дхарме, отверзающей для нас двери на небо, и даже во сне не ласкали полные груди и нежные бедра женщины – прожили мы жизнь, как топор, загубивший лес юности матери.

Не изучена дающая победу над толпами ниспровергателей наука, приличествующая терпеливым; не добыта слава, возносимая до небес остриями мечей, рассекающих слоновьи лбы; не изведен при лунном свете сок нежного бутона нижней губы супруги – бесцельно прошла молодость, словно угас светильник, горевший в пустом доме. Не достигнуто безупречное знание, не добыто богатство, не выполнен с необходимой почтительностью долг перед отцом, даже во сне не обнимал кокетливооких большеглазых красавиц – время тратим мы, словно вороны, в погоне за подачкой с чужого стола.

Тех, кем были мы рождены, давно уже нет, те, с кем мы росли, тоже ушли в страну воспоминаний, теперь и мы что ни день ожидаем кончины, подобно деревьям, растущим на песчаном берегу реки. Отмерен людям срок жизни в сто лет. Половина из него уходит на ночь, из оставшегося же времени одна половина – это детство, а другая – старость, и из дней этих многие проходят в болезни, в разлуке, в невзгодах, проводятся в служении и так далее – где уж людям в жизни, непостоянной, как волны речные, обрести счастье? Промчалось детство, промчалась и жаждущая любви юность, изведены нищета и роскошь – и вот уже человек с одряхлевшими членами, с телом одрябшим в конце представления сансары, подобно актеру, уходит за занавес города Ямы.

Вот описание диалога подвижника и царя

Ты – раджа, мы же возвышены сознанием мудрости, воспринятой от наставника; известен ты пышностью и богатством, нас же по всем странам славят поэты; между нами и тобой, как между духом и богатством, бессчетны различия, и если ты отворачиваешься от нас, то и мы безразличны к тебе. Ты – повелитель богатств, а мы – владельцы сокровищ слова; тебе – доблесть, а нам – неистощимое искусство укрощения гордыни противников в опоре; служат тебе обладающие горами золота, а ко мне идут желающие слышать слова, очищающие ум; ты не уважаешь меня, а я тебя и вовсе. Мы удовольствуемся лубяными одеждами, ты – шелковыми: удовлетворенность наша одинакова и лишь предмет ее различен.

Тот истинно бедняк, чьи желания безграничны, а для тех, кто доволен, какая разница, кто беден, а кто богат? В еде довольствуюсь плодами, в питье – сладостной водой, как ложе меня вполне устраивает земля, а как одежда – луб; нестерпимы мне дурные люди, которые, безудержно потакая чувствам, алчут медового питья и все больших и больших денег. Пусть питаемся мы подаянием, пусть одеянием нам служат стороны света, а ложем – земля – что за дело нам до господ? Мы – не актеры, не прихлебатели, не певцы, не придворные угодники и шуты, не женщины, склоняющиеся под тяжестью грудей, – зачем нам видеть царя?!

Давным-давно великодушными царями порождён был весь этот мир; затем другими поделен и, захваченный, прочим роздан, как трава; теперь же стойкие эти мужи наслаждаются четырнадцатью царствами. Что за лихорадка гордыни у тех, кто правит всего лишь несколькими деревнями? Землю этой не наслаждались даже миг сотни царей – что же великое множество их дерется из-за нее? Повелители ничтожной доли от куска, оторванного от части, – им бы огорчаться, а они, глупцы, чванятся! Земля, этот кусок глины, окруженный водой, – всего лишь атом, и вот множество царей в сотнях войн его завоевывают. Но что могут они дать другим, эти ничтожнейшие из нищих? Тьфу, тьфу на них и на тех ничтожных людишек, кто от них ждет хотя бы гроша! Разве когда-либо рождался человек, посмевший украсить голову свою белым черепом, как это сделал Враг Маданы? Так кого же теперь одолевает лихорадка безмерной гордыни, пред кем это склоняются люди ради спасения жизни?

Вот украшение души

О душа, зачем, многократно, что ни день умилюю души других, стремишься к милости, связанной с множеством унижений? Коли будешь ты находить радость в себе, то обратишься в сокровище, пополняющее желанья, – почему не сосредоточиваешься ты на мысли об освобождении? Что же ты скитаешься, неразумная душа? Отдохни! Чему быть, того не миновать, – оно и случится. Не вспоминая несбывшегося, не задумываясь над будущим, наслаждаюсь я неожиданными радостями.

Вызvoli себя из мучительных дебрей чувственных страстей, встань на достойный путь деяний, мгновенно и бесследно уничтожающих горести, утвердись в спокойствии, отринь путь вечных метаний, не терзай себя неверной страстью – окажи милость, душа моя! О душа, смой иллюзии, предайся страсти поклонений Несущему на челе драгоценный камень полумесяца, устрой свое жилище на берегу небесной реки! Разве можно верить в волны, в пузыри на воде, в сверканье молний, в причуды счастья, во вспышки пламени, в змей, в приятелей?

О душа, никогда даже на миг не помышляй с уважением об этой продажной бабе Удаче, послушно пляшущей по знаку бровей царя! В латах из лохмотьев, ходя по дворам вдоль улиц Варанаси, мы ожидаем, что кинут нам милостыню в чашу, сделанную из наших ладоней. И слева и справа поют пред тобою песни сладкозвучные поэты, приехавшие с юга, из-за спины игриво перезваниваются браслеты дев, держащих опахала, – коли хочешь, пустишь в разгул, испытывая все чувства и наслаждения, а нет, так углубись немедля, душа, в бесстрастное созерцание! Что из того, что добыл ты богатства, позволяющие осуществить все желанья? Что из того, что поставил ты ногу на голову поверженного врага? Что из того, что своими богатствами ты подкупаешь людей? Что из того, что людские тела могут существовать целые кальпы?

Когда есть «преданность Бхаве, а в сердце – страх перед рождением и смертью, исчезла любовь к родным, неведомы порожденные Манматхой страдания, – нет ничего более возвышенного, чем предаться в лесной глуши вайрагье, свободной от соприкосновения с грехом. Потому размышляй о бесконечном, о превечном, о высшем, о всеобъемлющем – о Брахме! И что за прок тогда во всех этих бесплодных мыслях ничтожных людишек о власти над миром, о наслаждениях и прочем?! Ты проникаешь в Паталу, пересекаешь небо, обегаешь стремительно все страны света, но как же, странствуя повсюду, не вспоминаешь ты о чистом Брахме, благодаря чему достигается блаженство?!

Вот рассуждение о непостоянстве сущего

Зачем твердить веды, смрити, пураны, пространные шастры, обременять свой ум заблуждениями обрядов и кармы – ведь приносят они в награду лишь проживание в хижине небесной деревни? Ведь это все равно, что с купцом торговаться! Что может сравниться с огнем Времени, разрушающим горести бытия, открывающим путь к наслаждению внутри своей души?! Уж если достославная гора Меру рухнет, пожранная пламенем конца времен, высохнут океаны,

убежище разнообразных морских чудовищ и змей, рухнет и твердь земная, поддерживаемая горами, – что же тогда говорить о человеческом теле, дрожащем, как уши слоненка?!

Тело одрябло, походка неверна, повыпадали зубы, тускнеет взор, усиливается глухота, слюна изо рта течет, речь так невнятна, что ни родня не поймет, ни жена. О горе! Для человека в старости даже сын становится врагом. Как только замечают седину в волосах мужчин, оскорбленные приходом старости, далеко стороной обходят красавицы это скопище костей, словно колодец для чандалов. Пока здорово это тело, пока оно не поражено болезнями и старость далека, пока не иссякла сила чувств, пока не истек срок жизни, до той поры следует разумному совершать великие усилия ради блага души, – что за смысл приниматься копать колодец, когда дом уже пылает?!

Заняться ль нам подвижничеством и поселиться на берегу божественной реки? Или покорно служить добродетельным женам? Или упиваться потоком шаштр и сокам сладости многочисленных поэм? Не знаем мы, что нам делать, – ведь срок жизни человеческой всего лишь несколько мгновений. Трудно умиловить правителей земли, ум которых подобен дикому коню, а мы продолжаем надеяться получить от них богатые награды. Старость похищает тело, а смерть и саму возлюбленную жизнь. Уважение исчезает, богатства растрачиваются, пришедшие за подаянием расходятся с пустыми руками, уменьшилось число друзей, разбежались слуги, ушла молодость, и только одно остается для мудрых – поселиться где-нибудь в хижине на скалистых склонах Хималая, освященных водами дочери Джанхну.

Прекрасно кружево лунных ночей, прекрасны лесные опушки с их нежными травами, прекрасна встреча с достойными людьми, прекрасны сказания волшебные поэтов, прекрасен облик любимой, когда в гнев проливает она слезы, – прекрасно, но непостоянно. Не по душе мне это. Разве не хорош дом для жилья? Разве не благозвучна песня? Разве счастье соития с возлюбленной не увеличивает радость жизни? Но все это считая ненадежным и преходящим, как пламя светильника, гаснущее под крыльями бездумной бабочки, уходят мудрые в леса.

Вот поклонение Шиве

О отец, от начала времен во всех трех мирах не видели мы глазами, не слышали ушами о таком человеке, который мог бы укротить бешеного слона его разума, гонящегося за слонихой чувственных наслаждений. Свобода, радость, отсутствие нищеты, еда, общение с благородными людьми, слушание благих книг, единственный плод которого – душевный покой, – мой ум не в состоянии понять, результатом какого великого подвижничества все это может быть? Уже убиты старостью желания в сердце, ушла молодость. Увы, и добродетели увяли, и без ценителей они бесплодны.

Что ж спохватываться, когда могучее Время, несущее всему конец, неистребимое, вершит свой путь? Да, понял я теперь, что нет иного опасения, хроме стоп бога, спалившего Мадану. Нет для меня по смыслу различия между Шивой, Вишну, Брахмой, но предан я богу, чье чело украшено юным Месяцем. Когда ж настанет тот день, когда пойдем мы, тоскующие по миру чувств, с душой, переполненной слезами, восклицая: «Шива! Шива! Шива!», и будем испытывать счастье ночей, напоенных лунным светом и звенящих тишиной, сидя где-нибудь на песчаном берегу небесной реки?!

Раздав имущество, с сердцем, исполненным искреннего сострадания, вспоминая о сансаре, о прихотях судьбы, имевших недобрые последствия, мы проводим прохладные, но, состоящие из трех страж, находя единственное спасение в мыслях о стопах Хары. Когда стану жить я в Варанаси на берегу бессмертной реки, прикрыв лишь стыд, вздымая к голове руки, сложенные в анджали, и восклицая: «О супруг Гаури! О Сокрушитель Трипуры! О Шамбху! О Троекий! Смилуйся!», то дни для меня будут пролетать, как ничтожные мгновения.

Омывшись водами Ганга, почтив тебя, о Вибху, погрузившись в достойное размышление, сидя на каменном ложе горной пещеры в Гималаях, вкушая плод наставлений учителя, достигший удовлетворения в самом себе, прошу тебя, о Враг Смарты, окажи милость, избавь меня от

несчастья служить человеку с такими же руками и ногами, как у меня! Одиноким, бесстрастным, умиротворенным, с чашей для подаяния, сделанной из ладоней, нагой, когда же сумею я, о Шамбху, избавиться от кармы?! Довольствуясь милостыней, святой по самой своей природе, каждое мгновение взирающим на мир, как на траву, «находящим пристанище где угодно, не покинувшем еще тела, но уже испытывающим непрестанно наивысшую радость—сколь легко достается йогам по милости Шивы истинный путь к опасению!

Вот о жизни подвижника

Повязка на бедрах, изодранная в сотнях мест, такое же покрывало на плечах, готовность принимать любую пищу, сон хоть на кладбище, хоть в лесу, неограниченная свобода, всегда спокойная душа – когда все это утвердится в великом празднестве соединения, то зачем тогда власть над тремя мирами?! Что за корысть возвышенным духом во вселенной? Ведь не встревожится океан от прыжков летучих рыб. Матушка Лакшми! Соблазни кого-нибудь другого, а со мной не заигрывай! Подвластно твоей воле Много тех, кто алчет наслаждений, но что ты для тех, кто их не жаждет? Теперь будем мы поддерживать жизнь святой милостыней, которую нам подадут в чашу, сделанную из листьев палаши.

Просторное ложе – земля, пышная подушка – лиана (руки, крыша – свод неба, опахало – ветер, луна прохладной норы – светильник, вайрагья – сладостные объятия супруги: умиротворенный мудрец опит счастливо, как царь, но без его земных забот Питающийся подаянием, свободный от общения с людьми, всегда углубленный в свои мысли, не останавливающийся перед отвержением, прикрывающий стыд истлевшими, рваными лоскутьями ткани, подобранными на улицах, набросивший па плечи подаренную кем-то накидку, бесстрастный, наслаждающийся счастьем созерцания Брахмы и лишь к этому привязанный стоит подвижник.

«Кто он – чандала? Или брахман? Или шудра? Или подвижник? Или углубленный? И тонкие рассуждения о различии и сущности? Или сам Повелитель йогов?» – сопровождаемые такими догадками и домыслами болтливых людей, не гневаясь и не радуясь, идут своей дорогой йоги. Для змей создал творец силой своей мысли пищу в виде ветра, добыча которой не требует усилия и не связана с убийством, скоты довольны побегами травы, которую они едят и на которой лежат, а для людей, наделенных умом, который способен пересечь океан сансары, создал он такую жизнь, чтобы они добывали себе пищу сами, и пока они заняты этим, все добродетели неизбежно приходят к гибели.

Где же счастливые дни, когда сидел я в асане лотоса на скале у подножия Гималаев на берегу Ганги и благодаря размышлениям о Брахмане, испытывавший единство с ним, а дряхлые газели бесстрашно терлись своими телами о мое?! Те счастливы, кто отказался от общения с людьми, кто находит удовлетворение в самом себе, те, для кого ладонь – священная чаша, кто странствует по святым местам, кто получает неистощимую пищу милостыни, для кого просторная одежда – десять стран света, а прочное и широкое ложе – земля, кто избавился от нищеты и всяких препятствий, – те побеждают карму. О мать Земля! Отец мой Ветер! О друг мой Огонь! О брат мой Небо! Моя сестра Вода! Всем вам последнее мое анджали! Благодаря общению с вами рождено всеобъемлющее чистое знание, с помощью которого удержался я от падения в бездну невежества и сливаюсь с Парабрахмой.

Вот закончена «Вайрагьяшатака».

Перевод с санскрита: И. Д. Серебрякова

Издательство «Наука»

Главная редакция восточной литературы, Москва 1979